

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ДРАУЛЕ Мильды Петровны от 3 Декабря 1934 года.

Вопрос: Ведете ли Вы переписку или связаны иным образом с кем либо из живущих за границей?

Ответ: Моя мать переписывалась со своими родственниками в Латвии. Я в последние годы туда ничего не писала. Приблизительно последний раз я писала в 1928 г. кажется сестре матери Зельме. Переписка носила личный характер.

Вопрос: От кого исходят и кому направлены обнаруженные ^{у Вас} при обыске письма из Латвии?

Ответ: Обнаруженные у меня письма адресованы моей матери Эмилии Петровне ДРАУЛЕ, 70 лет, живущей со мной. Исходят эти письма от сестер ее - Берты и Зельмы РЕКСТЫНЬ, владельцев хлебной лавки в Риге, брата матери Вольдемара РЕКСТЫНЬ тоже торговца и от ряда родственников отца, фамилий, которых и рода занятий их не знаю.

Вопрос: Какое имеет к Вам отношение адрес - "Латвия, Рига, Лимбажи, Витрупе Дюлькавнас"?

Ответ: Это адрес Зельмы РЕКСТЫНЬ, сестры моей матери.

Вопрос: Есть ли среди Ваших знакомых в Ленинде или в др. местах СССР иностранцы, в частности иносспециалисты?

Ответ: У меня таких знакомых нет.

Вопрос: Сталкиваетесь ли Вы по роду своей работы с иносспециалистами?

Ответ: По роду своей работы я с иносспециалистами не сталкиваюсь. Однако, в последнее время я заменяла Инспектора по распределению стажированных специалистов КОСИЦКОГО, ушедшего в отпуск. В связи с этим, мне из иностранного сектора направили двух немецких инженеров, фамилия одного, кажется, БЕРМАН, другого не помню. Приходили они ко мне только на службу в двадцатых числах ноября с.г. больше ни этих, ни других иносспециалистов у меня не было.

Вопрос: Приходилось ли Вам, или Вашему мужу НИКОЛАЕВУ, когда либо об-

ращаться в какоенибудь иностранное дипломатич. представительство в СССР или к отдельным представителям таковых, когда и в связи с чем?

Ответ: Никогда, ни к каким дипломатическим представителям я не обращалась. О муже, НИКОЛАЕВЕ, я тоже не знаю фактов, которые указывали бы на такую связь.

Вопрос: Следствие располагает данными о том, что Вы говорили НИКОЛАЕВУ, что к Вам обращались инспециалисты с предложением оказания им услуг. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ: Такого случая не было. Я помню, что в конце октября с.г. я рассказывала НИКОЛАЕВУ о том, что на собрании партячейки нашего учреждения завинсектором ЛУСКАЧ передавал о случае, когда один инженер обратился к нему с заявлением о том, что его вербует в шпионских целях другой инспециалист. ЛУСКАЧ затронул этот случай в связи с освещавшимся на страницах газет делом какого-то иностранного шпиона, кажется, ФУКСА.

Вопрос: Для чего Вы все это рассказывали НИКОЛАЕВУ?

Ответ: Рассказала я это НИКОЛАЕВУ потому, что вспомнила ФУКСА, б. Нач Инспекции цен в РКИ, под руководством которого НИКОЛАЕВ работал и с которым был не в ладах. Я думала, что это тот-же ФУКС, но это был другой.

Вопрос: Имели ли Вы отношение по своей работе к переписке не подлежащей оглашению и какого порядка Вы должны были придерживаться при соприкосновении с ней?

Ответ: Переписка, не подлежащая оглашению, хранилась у нас в общем порядке в шкафах, как и простая переписка, в отличие от секретной, которая находится в секр. части. По своей работе я постоянно соприкасалась с перепиской, не подлежащей оглашению.

Вопрос: Могли ли Вы переписку, не подлежащую оглашению, выносить за стены учреждения?

Ответ: Я считала, что это допустимо, тем более, что у нас в учреждении все это делали.

Вопрос: При обыске у Вас обнаружен документ Наркомата Обороны, адре-

сованный Уполном. Наркомтяж"а по Ленобласти, с надписью "не подлежит оглашению." С какой целью этот документ был взят Вами из учреждения и хранился у Вас дома?

Ответ: Я взяла его домой для того, чтобы составить ответ.

Протокол записан с моих слов и мною прочитан - ДРАУЛЕ

Допросил:

Верно: *В. В. В.*